

От начала до конца

В этом году издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), одно из наиболее авторитетных российских издательств, завершает начатый в конце 2007 года свой глобальный научно-издательский проект под названием: «История сталинизма». Выпуск ста лучших отечественных и зарубежных книг, уже написанных к этому времени ведущими исследователями мира или специально подготовляемых по заказу издательства, призван был содействовать, в первую очередь, преодолению идеологического и политического наследия советского режима, без чего невозможно сегодня в России становление современного цивилизованного общества.

В проекте участвовали несколько организаций. Это Государственный архив РФ (директор С. В. Мироненко), Институт научной информации по общественным наукам РАН (Ю. С. Пивоваров), Институт этнологии и антропологии РАН (В. А. Тишков),

1. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 303 с. (История сталинизма).

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» (А. Б. Рогинский). А также уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (В. П. Лукин). Осуществлялось издание при финансовой поддержке Фонда первого президента России Б. Н. Ельцина.

Проект предлагал конкретному читателю и обществу в целом осмыслить и преодолеть ту идеологию сталинской эпохи, которая, по мнению издателей, в определенной мере возрождается в наши дни. Помочь ему в ответе на многие мировоззренческие вопросы: освободились ли мы от сталинизма, смогли ли понять и осознать его природу и движущие механизмы, превратили ли историческое знание в основу для преодоления проявлений сталинизма в сегодняшней жизни, смогли ли преодолеть «управляемое правосудие», когда на фоне постоянных клятв на Конституции, одновременно происходит ее ежесекундное нарушение, перестали ли создавать образ врага, внешнего и внутреннего, смогли ли избавиться от организационной нелюбви ко всякой независимой общественности? И т. д.

В определенном смысле, данный издательский проект был результатом так называемой «архивной революции», в рамках которой российскими историками и архивистами были опубликованы сотни тысяч ранее засекреченных документов. В результате открытия архивов, в ткань общественного сознания оказались вброшены противоречивые и несистематизированные сведения и факты. Но работа в этом направлении до последнего времени была, да и сейчас остается уделом отдельных энтузиастов, по своей инициативе воспользовавшихся возможностями этой самой «архивной революции».

Издательский проект «История сталинизма» решал задачу перехода от публикации документов к их анализу и интерпретации. Это первый шаг на пути формирования единого массива результатов научного анализа материалов советской эпохи.

Рыночный успех не являлся самоцелью руководства издательства и в первую очередь его главного редактора А. К. Сорокина. С его точки зрения тема сталинизма крайне актуальна для современного российского общества, сегодня уже почти готового отказаться от научного анализа истории в пользу новой мифологии.

Увлечение героизацией недавнего прошлого, отказ от анализа ошибок и преступлений способны увести общество очень далеко от магистральных путей, по которым идет развитие мировой цивилизации, культуры и гуманизма. Поэтому проект, изначально имевший широкую общественную направленность, нес также и благотворительно-просветительскую составляющую: по тысяче экземпляров каждой книги бесплатно передавались в муниципальные и университетские библиотеки разных городов России.

Отбор претендентов на публикацию был очень строг. Обязательным критерием выступали: строго научный характер включенных в серию публикаций и бесспорная научная репутация их авторов. Сложившийся в конце концов авторский коллектив «Истории сталинизма» впечатляет своим высоким научным уровнем и качеством осуществленных исследований.

И самое приятное, что в их число вошел и наш коллега – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Марк Григорьевич Меерович. Причем дважды! Его книга, посвященная советской жилищной политике, «Наказание жилищем»¹ была одной из первых, открывших серию. И его же книга, посвященная градостроительной политике «Кладбище соцгородов», написанная в соавторстве с исследователем из Германии Дмитрием Хмельницким и исследовательницей из Челябинска Евгенией Конышевой, оказалась фактически последней из книг проекта (она выйдет в свет в середине февраля сего года).

Редакция

КОРР.

Одна из ваших книг посвящена жилищной политике, другая – градостроительной. Это две абсолютно разные книги или они как-то связаны?

МАРК МЕЕРОВИЧ

Обе эти книги, несомненно, будут интересны тем, кто с детства впитал в себя, как и я, выросший в Советском Союзе, казалось бы, непоколебимую уверенность о том, что советская власть, осуществляя неустанную заботу о советском народе, все усилия и чаяния устремляла на то, чтобы создать в стране победившего социализма самые лучшие в мире условия жизни, отдыха и труда. Именно поэто-

му в конце 1920-х годов партия и правительство приняли трудное, но мудрое и, как показала история, единственно правильное решение – ускоренными темпами осуществить индустриализацию. Сметая неисчислимые преграды, преодолевая все препятствия, борясь с хитрыми внутренними врагами и агентами мирового империализма, коварно проникшими в руководство народным хозяйством и экономикой, напрягая все силы и волю, политическое руководство страной развивало тяжелую промышленность.

Всем было понятно, зачем в первую очередь нужно создавать именно тяжелую промышленность. А как же иначе?! Сначала нужно добыть руду, выплавить металл, изготовить станки, а уже потом на этих станках производить мебель и одежду, велосипеды и швейные машинки, посуду и радиолампы, туфли и радиоприемники. Народ терпел невероятные лишения, прилагая все усилия к приближению светлого часа. И лишь совершенно неожиданно начавшаяся война с вероломным немецким фашизмом не позволила достигнуть долгожданного счастливого светлого будущего, сорвала планы партии и правительства по улучшению жизни людей. Корр.

То есть никак не связаны? Первая ваша книга – о жилище. А вторая – об индустриализации?

ММ
Нет, вторая книга не об индустриализации, не о том, что основной задачей первых пятилеток было возведение военно-промышленного комплекса. Не о том, что осуществлялось это действительно благодаря максимальному напряжению всех сил народа. Не о мужественном преодолении людьми бытовых невзгод, не о пожизненных очередях в ожидании получения квартиры.

Эта книга призвана рассказать широкому читателю о малоизученной странице истории советского градостроительства – о зарождении, расцвете и умирании Идеи – идеи поселений «нового типа», совершенно иных, нежели капиталистические города. Именно их обещала возвести для своего народа советская власть. Новые города, застроенные жилыми домами, совершенно другими, чем жильем капитализма, в котором совместно обитают дружные коллективы трудящихся фабрик, заводов и советских учреждений. С общественными столовыми, в которых вкусно и быстро, не теряя времени на приготовление еды, питаются рабочие и служащие. С просторными и светлыми

зданиями школ, больниц, детских садов. С новыми фабриками и заводами, утопающими в зелени, потому что стремительно развивающаяся наука, разрабатывающая самые передовые в мире технологии, позволит избавиться от дыма, копоти, чада и вредных газов. Без трущоб, без контраста «центра» (где до революции, среди самых лучших магазинов, ресторанов и кинотеатров обитали буржуа и прочие состоятельные люди) и «периферии» (где при царском режиме в неблагоустроенном самодельном жилье, среди непролазной грязи ютились бедняки). С широкими улицами, по которым ходят праздничные демонстрации горожан, собираясь на огромных площадях или в Народных Домах для обсуждения и совместного решения важных городских вопросов

Советская власть, следуя заветам основоположников марксизма-ленинизма, обещала устранить присущую капитализму скученность проживания беднейших слоев населения. Обещала создать новые формы быта и отдыха, позволяющие человеку максимально эффективно ежедневно восстанавливать свои силы к новому трудовому дню – в специальных помещениях на заводах и в жилищах, снабженных книгами, играми, оборудованием для занятий наукой и спортом, на свежем воздухе – в парках культуры и отдыха. А также, эпизодически, в специальных санаториях для рабочих и служащих. Обещала создать обществен-

ный транспорт, быстро и комфортно доставляющий людей к месту работы.

Но книги, будучи посвященными совершенно разным пластам профессиональной деятельности, тесно связаны, так как обе они посвящены Идее, которая вдохновляла все новые и новые поколения советских людей на бесконечную борьбу с бытовыми невзгодами, помогала терпеть и ждать. Об Идее и о драматической судьбе светлого образа советских «городов будущего», «городов счастья».

КОРР.

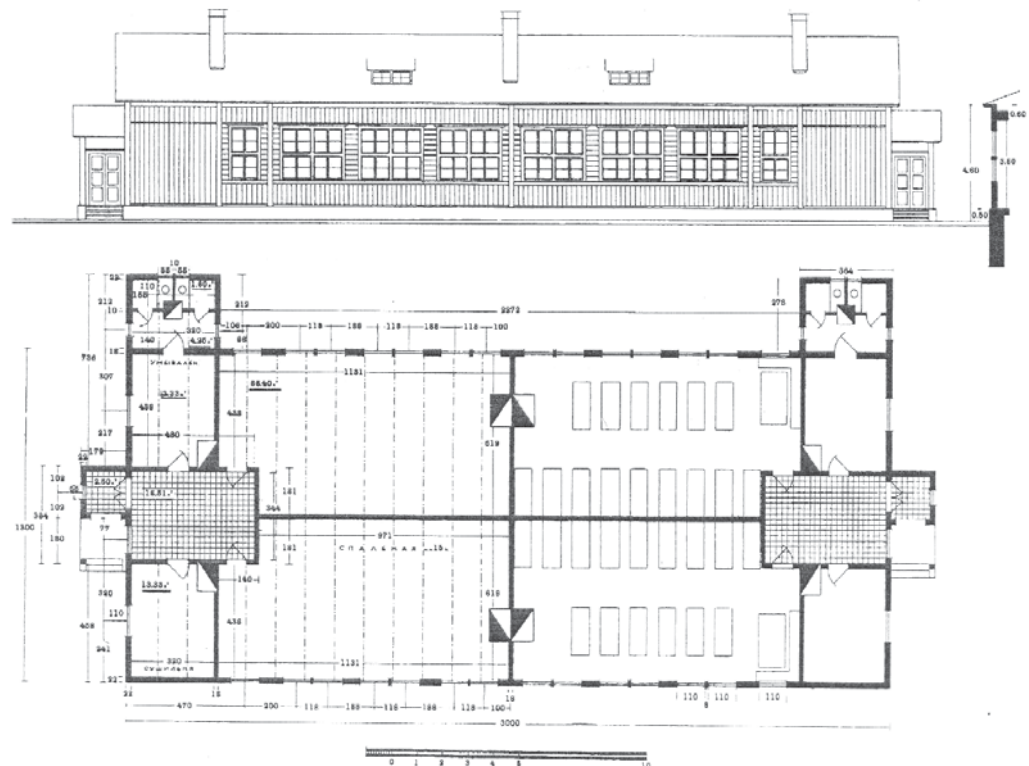
То есть ваша вторая книга о соцгородах?

ММ

Да, она о том, как подле промпредприятий – «первенцев первых пятилеток» – должны были вырастать новые, красивые, современные города. Скорейшее разрешение жилищной нужды тех, кто возводил заводы-гиганты, электростанции, железные дороги, рыл каналы и шахты, участвовал в появлении многих других промышленных и транспортных новостроек, было главной целью, на достижение которой партии и правительство неустанно направляли свои усилия. К сожалению, органы государственного управления СССР, которые планировали самым незамедлительным образом разрешить жилищную проблему, не смогли реализовать эти планы из-за непредвиденных матери-

2. Хан-Магомедов С. О. «Сталинский ампири»: проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М., 2010. С. 10–24.

в Проектные решения были полноценнее, нежели их воплощение в натуре, потому что, стремясь максимально сэкономить деньги, строительные материалы, трудозатраты на возведение жилища, руководство градообразующим предприятием (которое и являлось основным застройщиком ведомственного жилья), предельно упрощало проекты и до предела уплотняло их. Барак одноэтажный, деревянный на 50 человек. Проект. 1929

3. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000.

альных трудностей: «...для запланированного в первой пятилетке строительства десятков индустриальных гигантов и благоустроенных соцгородов при них» не нашлось денег, «средств в государственном бюджете хватило только на промышленные объекты. В результате вместо образцовых социалистических городов с полным набором объектов коммунально-бытового обслуживания пришлось в массовом порядке строить при индустриальных гигантах бараки, общежития»².

В советской литературе за все годы существования СССР так и не появился вразумительный ответ на вопрос, почему планирование осуществлялось так, что денег на жилье хронически «не хватало», почему советский народ жил хуже, чем в странах «загнивающего капитализма»? Причем не только в тяжелые годы первых пятилеток, но и в послевоенные годы, и потом – в 1960-е, 1970-е, 1980-е... Почему жилищная нужда была одной из наиболее непреодолимых проблем? Почему в стране год за годом, пятилетка за пятилеткой не выделялось в достаточном объеме средств не только на строительство жилья, но и на производство «товаров народного потребления», на наполнение прилавков магазинов «широким ассортиментом продуктов питания»? Обе книги дают ответы на эти и многие другие вопросы.

КОРР.

Но ведь и так понятно, почему было много нерешаемых проблем: войны накатывались одна за другой: гражданская, японская, финская, Великая Отечественная, опять японская. Ничего сделать не успевали, как только готовиться к очередной войне.

ММ

В советской прессе широко освещались факты закладки новых архитектурных ансамблей или производственных объектов, прокладки транс-

портных магистралей или разработки новых месторождений. Но на фоне браваурных отчетов об объемах осуществленного строительства, о кубках вынужденной рудоносной породы и срубленного леса, о километрах возведенных судоходных каналов и проложенных железных дорог, о введенных в строй все новых и новых мощностях заводов-гигантов ответ на вопрос «зачем?» всегда был чисто пропагандистским – «ради светлого будущего!». Никогда не спрашивалось о том, «куда все это девается», почему люди десятилетиями, а подчас и всю жизнь вынуждены обитать в неблагоустроенных домах, в нищете, в условиях хронического вещевого, продуктового и жилищного дефицита. Не анализировалось, почему, из каких соображений принимаются те или иные планировочные, градостроительные, расселенческие решения. Все эти «почему» неизменно оставались как бы «за кадром», плотно затушевываясь идеологической завесой расхожих лозунгов, цитат, фразеологических штампов, политических формулировок.

С годами некоторые незабываемые устои заученной нами версии истории СССР оказались сильно пошатнувшимися. В частности, растаяла вера в слова о том, что в Советском Союзе в период 1930–1940-х годов хронически не хватало строительных материалов для возведения жилья. Неопровержимые данные о невероятных объемах изготовленного за годы первых пятилеток вооружения, извлеченные в послеперестроечные годы из советских архивов³, а также сведения о количестве вывезенного за границу зерна (в самый разгар охватившего страну смертельного голода) с целью закупки на вырученные деньги военно-производственных технологий, заставляли задуматься об истинных целях власти, о подлинном предназначении индустриализации и о том, куда девались металл, древесина, резина, стекло, кирпич, цемент и прочее.

КОРР.

Но ведь именно в сталинский период ковался железный кулак, давший отпор врагу. Только благодаря сталинской внешней и внутренней политике удалось одержать победу в войне с фашизмом.

ММ

До сегодняшнего дня в общественном сознании преобладают мифологизированные образы Сталина и созданного им режима. Мифологизированная история представляет сталинскую эпоху исключительно как цепь дости-

жений и побед, а ошибки и преступления оттесняет на периферию в виде случайностей или побочных эффектов. В этой истории сталинский период концептуализирован как модернизация через мобилизационную модель. И эта модель сегодня предлагается обществу как лучшая для его настоящего и будущего. А мифологизированная история предьявляется как единственная верная.

Именно эта мифическая действительность целенаправленно формировалась пропагандой, начиная буквально с первых лет советской власти, а после введения тотальной цензуры на любые средства массовой информации она осталась единственной официальной версией происшедших событий. В ней повседневная жизнь поселений и ежедневное бытие людей изображались с таким же искусством, с каким советское документальное кино «отображало» реалии советского общества. То есть на самом деле – искаженно, парадно-лубочно, фальшиво, совсем недокументально.

«Методологическая привычка» советского времени идеологически приукрашивать факты, мифологизировать реальность породила серьезную научную проблему. Проблему отсутствия правдивых исторических знаний о реальных процессах формирования среды советских городов, о реальной типологии советского жилища, о содержании архитектурных замыслов и трудностях их практического воплощения; Проблему, не только никак систематически не решаемую, но даже до конца не осмысленную и не поставленную.

Поразительной устойчивости официальной советской мифологии в отношении архитектурной профессии способствовала также и вопиющая неточность советской историографии в отношении жилищной и градостроительной политики. Причем в градостроительстве эта неточность была многократно усугублена нарастающей с начала 1930-х годов «секретностью». Некоторые «крупные типологические разделы» проектирования и строительства соцгородов оказывались начисто «забытыми», как, например, массовое возведение барачков. А некоторые были искажены до неузнаваемости, как, например, технология поточно-конвейерного проектирования генеральных планов соцгородов, привнесенная в советскую систему массового проектного дела немецким архитектором Э. Маем. Некоторые получали разъяснение, не имеющее ничего общего с реальностью, например причины запрета концепции города-сада или официального

v Вместо проектов, в которых архитекторы стремились даже бараки превратить (насколько это было возможным) в комфортное жилище, в соцгородах возводились «суррогатные» строения. Например, «засыпные бараки» – каркас, обшитый досками, накрытый толем и присыпанный сверху землей 40–50 см (для утепления). Кузнецк. Засыпные бараки. Предоставлено И. В. Захаровой

исключения из советской расселенческой доктрины частного усадебного жилища и ориентация государственных программ исключительно на многоэтажное и многоквартирное. Кроме того, официальная советская пропаганда совершенно сознательно искажала фактические данные о реальном положении дел. И часто одно выдавала за другое. Например, фотографии отдельно стоящих двухэтажных домов в обособленных поселках для партийно-советского руководства в соцгородах-новостройках она представляла как массовое жилище для простых рабочих.

С ужесточением сталинского механизма цензуры на страницы архитектурных журналов могло проникать лишь то, что было официально согласовано и допущено для широкого ознакомления.

КОРР.

А по отношению к градостроительству?

ММ

По отношению к градостроительству ситуация была еще более затуманенной из-за пресловутой секретности. Никогда в советской прессе и научной литературе не раскрывались истинные цели закладки новых городов, прокладки каналов и строительства железных дорог, возведения заводов-новостроек. Все это происходило как бы само собой. При этом любой человек, выросший в СССР или много читавший об устройстве советской власти, прекрасно понимал, что «само собой» в градостроительстве Советского Союза ничего не происходило, кроме, пожалуй, самостроя в деревнях да возведения «наخالовок» на окраинах городов. Любая мало-мальски значимая стройка, а уж тем более строительство нового города, было делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным и всецело управляемым. Тем более в условиях тотального государственного распределения финансовых, материальных ресурсов, строительных материалов, рабочей силы, транспортных мощностей и квот на разработку природных ископаемых.

КОРР.

А в чем особенность советской жилищной политики? Разве государство не направляло свои усилия на то, чтобы возвести и фактически бесплатно предоставить людям жилье?

ММ

В советской архитектурной науке слой фактического исторического материала присутствовал очень выбо-

рочно. Мы до сих пор непростительно мало знаем об условиях обычной жизни обычных людей в соцгородах в период первых пятилеток. Почему кто-то обитал в бараках и выкопанных в земле своими руками полуподземных жилищах, а кто-то жил в отдельных возводимых за счет государства коттеджах? Почему кто-то имел право получить квартиру в «доме специалистов», а кто-то лишь комнату в коммунальной квартире. Почему кто-то обитал в восьмером в комнатухе ведомственного общежития, а кто-то вынужден был вместе с семьей ютиться в арендованном сарае или в списанном товарном вагоне. Но в то же самое время точно такой же рабочий почему-то мог получить от администрации фабрики, на которой трудился, безвозмездную ссуду для выплаты паевого взноса в жилищный кооператив... Это не просто повседневность. Это реальное проявление жилищной политики советской власти.

В СССР распределение основных жизненных ресурсов осуществлялось централизованно из государственных фондов и по утверждаемым нормам. В том числе и распределение жилища. Советское население снабжалось им точно так же, как и продуктами питания, вещами, медицинским обслуживанием, пособиями по старости или заслугам, т. е. обеспечивалось по фиксированным квотам и в соответствии с местом, занимаемым конкретным человеком в служебной, должностной, партийной иерархии.

Этот процесс исключал свободу выбора и вида жилья, и места его расположения, и его «количества», и его «качества», т. е. фактически исключал свободу «потребления жилища».

Жилье в советский период не было «собственностью» в подлинном смысле этого слова. Жители богатых ведомственных домов или коттеджей, точно так же как и обитатели барачков или землянок, не имели права выбора жилища по собственному вкусу (или сообразно своему образу жизни) и не могли влиять на характер появляющейся архитектуры, определяя ее внутреннюю планировку или ее внешний вид. У высокопоставленных слоев населения в сталинском государстве было, безусловно, больше привилегий, чем у низших, но никак не больше гражданских прав. Их заселение в роскошные многокомнатные квартиры или отдельностоящие дома с гостиными, комнатами для прислуги, кухнями-столовыми, террасами, так же как и для всех остальных, всецело зависело от места в должностной иерархии или от воли начальства. Как, впрочем, и выселение из этих квартир – утративших связь с местом работы (по причине увольнения или ареста) с неизбежностью изгоняли из жилища.

Жилище в советской системе выступало средством управления «трудовыми контингентами», способом привязки человека к месту приложения труда, одним из элементов плановой распределительной системы. Типология жилища соцгородов первых пятилеток отражала социальную структуру общества и минимальный характер инвестирования в «гражданскую» составляющую промышленно-селитебных комплексов. Она наглядно демонстрировала тот факт, что власть не собиралась ни строить полноценного индивидуального жилья, ни принимать на себя заботу о нормальном жизнеобеспечении населения, ни предоставлять ему

^ В случае возведения соцгорода на пустом месте проблему обеспечения рабочих хоть какой-либо крышей над головой, приходилось решать в пожарном порядке. В Магнитогорске, например, больше года (и зимой, и летом) существовал огромный палаточный городок. После первой зимы, принесшей немало смертей из-за невыносимых условий существования, эти палатки были приспособлены для круглогодичного обитания за счет того, что их брезентовые стены покрыли досками, а между ними засыпали землю, настлали пол и установили печи. Удобно, они держали тепло. Такие палатки именовались «чингизками» от имени их изобретателя – заместителя начальника Магнитостроя Чингиза Ильдырма. В «чингизки» была превращена основная масса магнитогорских брезентовых палаток, в этом виде они просуществовали вплоть до 1933 г. Палаточный лагерь строителей Магнитогорского металлургического комбината. Фото. Начало 1930-х гг.

^ В бараках проживала основная масса строителей соцгородов. Согласно программам проектирования соцгородов, в бараках, квартирах покомнатно-посемейного заселения, в домах-коммунах (которые нигде так и не были построены, а заменены на те же самые бараки) должно было проживать 97-98% вольной части населения (невольники – заключенные, труд- и спецпоселенцы) обитали в особых условиях. Остальные 3-2,5% (представители партийного руководства, администрации, НКВД-шное начальство, валютные иностранные специалисты и др.) проживали в специально для них возведенном элитном жилище – коттеджах, размещенных в территориально обособленном поселке. Магнитогорск. Один из 15 барачных поселков. 1930

4. Галигузов И. Ф. Чурилин М. Е. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В. И. Ленина. М., 1978. С. 26.

5. Эррен Л. Урал как кладбище социалистических городов. Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв. : сб. ст. / Под ред. И. В. Нарского. Челябинск, 2003. С. 151–162.

свободу перемещения и независимость в выборе вида трудовой деятельности и образа жизни.

КОРР.

В начале интервью вы рассказали о тех представлениях, которые впитали со школьной скамьи. Как они изменились в результате вашей исследовательской работы?

ММ

Прежде всего, исчезла уверенность в том, что в трудностях первых пятилеток виноваты окопавшиеся в СССР враги социализма, желавшие его крушения и сыпавшие для этого молотое стекло в бензобаки тракторов или коварно срывающие календарные планы запуска доменных печей. Что причиной постоянных задержек с разработкой проектной документации являются инженеры, доказывавшие с расчетами в руках экономическую неэффективность возведения, например, Урало-Кузнецкого комплекса промышленных предприятий. Что именно архитекторы виноваты в том, что в городах строятся «суррогатные жилища», т. е. возводимые из досок с засыпкой строительным мусором или с обмазкой глиной. Правда, сами «враги народа» прояснить этих моментов уже не могли, так как к этому времени были либо расстреляны, либо, в большинстве своем, умерли в лагерях, либо (те, кто выжили) были запуганы настолько, что не желали ничего рассказывать даже ближайшим родственникам.

Кроме того, померкло ясное понимание того, что «иностранные фирмы, привлекаемые к проектированию и строительству предприятий тяжелой индустрии... верные интересам империализма, использовали любую возможность, чтобы затормозить социалистическое строительство в СССР»⁴. Особенно сомнительным это представлялось после углубленного изуче-

ния роли иностранных специалистов в возведении гигантских плотин, мощнейших доменных печей, крупнейших промышленных комплексов, в разработке чертежей заводов-гигантов и генеральных планов поселений при них.

Возведение новых городов нового общественного строя – социализма, которые так официально и назывались – «социалистические города», «соцгорода», не было ни результатом последовательной эволюции теоретических воззрений, ни плодом естественной трансформации планировочных решений в постоянном процессе градостроительных поисков, ни итогом свободных дискуссий.

Сформулированные советскими архитекторами-теоретиками 1920–1930-х годов градостроительные идеи урбанизации и дезурбанизации, изложенные в концептуальных спорах на страницах профессиональной печати (какое-то время существовавшей довольно независимо), а также их предложения в отношении судьбы существующих и будущих городов, в равной степени оказались не нужны власти. Она оказалась равнодушна к любым авангардным градостроительным теоретическим доктринам: урбанистические и дезурбанистические теории представлялись ей одинаково бессмысленными. Ей нужно было лишь одно – свободное манипулировать населением. А архитекторы, в ее понимании, должны были заниматься формированием среды, которая бы наиболее полно соответствовала этой задаче.

Соцгорода создавались таким образом, чтобы быть изначально приспособ-

ленными к задачам социального управления: содержали строго фиксированный социально-профессиональный состав и определенную расчетами численность населения, согласованную с нормативами и показателями планового распределения фондов материального и продуктового снабжения. Включали установленные свыше типы жилищ, основывались на конкретных планировочных структурах, включали конкретный список объектов обслуживания и т. п.

КОРР.

А почему у вашей книги такое странное название «Кладбище соцгородов»?

ММ

Немецкий исследователь Л. Эррен, изучая вопиющее несоответствие содержания идеи «соцгорода» и реалий ее воплощения в уральских городах-новостройках в период первых пятилеток, назвал Урал «кладбищем социалистических городов»⁵. Рассматривая и сопоставляя сегодня идеологические призывы советской власти и ее практические действия, ее обнадеживающие обещания и реальные средства, выделявшиеся государством на строительство новых городов первых пятилеток, генеральные планы поселений и темпы их реализации, проектируемую и реальную типологию жилища, планируемые и фактические вводимые объемы жилья, несбывшиеся надежды и феномены повседневного быта, можно сказать, что вся страна, весь Советский Союз оказался «кладбищем мечты о соцгороде».

< Обособленные коттеджные поселки для начальства в соцгороде Чирчикстрой (арх. Г. М. Орлов, В. А. Лавров, М. И. Тараканов, 1930-е гг.)